

Му Тан очнулся в полубытьи, задохнувшись от запаха меловой пыли.

Он резко открыл глаза. Запястье неприятно ныло, словно его что-то сдавило. Му Тан коснулся кожи пальцами и нащупал холодный металл — это были очки в тонкой серебряной оправе. Стекла оказались идеально чистыми, но от них у него только закружилась голова. Старый профессор на кафедре указывал лазерной указкой на экран, где в белом свете разворачивалась партитура Реквиема Моцарта. Звук казался пропитанным водой хлопком, гулким и давящим на уши.

— Итак, в этой фуге при работе с голосами необходимо уделить особое внимание контрапункту тенора и скрипки. Му Тан?

Му Тан огляделся по сторонам и, поняв, что внезапно оказался в центре внимания, весь напрягся. Вокруг слышались приглушенные смешки, десятки взглядов устремились на него — любопытные, насмешливые, а кто-то из парней зашептался. Он открыл рот, но горло пересохло, а в голове царил полный хаос. Это был не его университет — не то обшарпанное здание с осыпающейся штукатуркой и трещинами на беговых дорожках. И он никогда не носил очков. Еще вчера вечером он до темноты репетировал в классе, вернулся в общежитие и сразу уснул. Как он мог оказаться в другом месте, едва открыв глаза?

Профессор на кафедре поправил очки и задержал на нем взгляд на пару секунд:

— Витаешь в облаках? Ладно, в следующий раз будь внимательнее.

Му Тан механически сел, сердце бешено колотилось в груди. Он опустил взгляд на парту: гладкое дерево отражало его лицо, а в правом углу было криво вырезано иероглиф Тан. Рядом лежала книга История современной музыки, и имя на форзаце словно было выжжено золотом: Му Тан, Музыкальная академия города А, третий курс музыковедческого факультета.

Чужое имя, чужая школа, чужой мир.

Когда прозвенел звонок, он все еще сидел в той же позе, пока кто-то сзади не ткнул его в спину:

— Тан-Тан, ты чего завис? Идем в столовую? Сегодня дают твое любимое мясо белки.

Это обращение Тан-Тан заставило его вздрогнуть. Он обернулся и встретился с веснушчатым круглым лицом. Парень улыбался, его глаза превратились в полумесяцы, а от него исходил едва уловимый аромат клубники. Странно, но раньше Му Тан никогда не был так чувствителен к чужим запахам.

— Мне... немного нехорошо, я пойду в общежитие, — он схватил телефон и рюкзак и почти сбежал.

Выйдя из учебного корпуса, Му Тан наконец смог как следует разглядеть это место. Небо казалось вымытым, заросли белой магнолии цвели, как сугробы, а в центре площади с фонтаном возвышалась статуя Бетховена, на постаменте которой золотом было выведено Столетняя музыкальная академия. Студенты в форме бродили небольшими группами, почти у всех в руках были ноты, а на запястьях поблескивали изящные подавители феромонов. Альфы выглядели статно, и если у кого-то из них случался сбой, окружающие тут же испуганно замирали.

В кармане завибрировал телефон. Му Тан разблокировал экран: на заставке была фотография трех парней. Тот, что стоял посередине с изящными чертами лица, был определенно он сам. Слева его обнимал за плечи мужчина с острым взглядом и густыми бровями, а справа парень, широко улыбаясь, размазывал мороженое по его лицу. Когда высветились подписи, пальцы Му Тана замерли: старший брат Му Цзинь, второй брат Му Юй.

Воспоминания, которые ему не принадлежали, внезапно хлынули в сознание, словно фильм, запущенный на быстрой перемотке.

Это был город А, мир, где существовали альфы, беты и омеги. Он — младший господин семьи Му, всего несколько месяцев назад проявился как элитный омега. Его феромон — крайне редкий аромат красных роз, и поскольку процесс еще не завершился, он временно использовал блокаторы. Старший брат Му Цзинь — наследник корпорации Му, альфа S-класса с мягким запахом океана. Второй брат Му Юй — звезда шоу-бизнеса и киноактер, альфа A-класса с властным ароматом кедра. Все трое были очень близки, хотя старший брат вечно ходил с каменным лицом, боясь, что младшего уведет какой-нибудь проходимец.

А его прежний мир, где АБО было лишь книжным тропом, где родители работали на заводе, а он каждое утро давился в автобусе по пути на лекции — тот мир, казалось, вместе с дневным сном исчез без следа.

— Черт, — тихо выругался Му Тан и сунул телефон в карман. Он прожил двадцать лет, считая себя обычным парнем, который даже за руки держался только с друзьями. А теперь он вдруг стал элитным омегой, на которого все альфы смотрят с таким прицелом? Это было хуже, чем зубрить теорию гармонии.

По памяти прежнего владельца тела он нашел корпус общежития, увитый плющом. Лифт был панорамным, из него открывался вид на искусственное озеро. Комната была двухместной, его сторона оказалась завалена нотами и виниловыми пластинками. На столе стояла рамка с фотографией, где он был с братьями — на снимке Му Тан улыбался застенчиво, совсем не так, как он сам, привыкший отвоевывать место на баскетбольной площадке.

— Вернулся? — сосед по комнате вышел из ванной, вытирая волосы полотенцем, и удивленно посмотрел на него. — Почему ты такой бледный? Правда плохо себя чувствуешь?

Сосед был бетой по имени Чжоу Мин, с легким характером и без какого-либо особого запаха. Му Тан кивнул и сел на свой стул, глядя в окно. Чжоу Мин не стал расспрашивать и взялся за

фен:

— Кстати, не забудь, днем лекция у преподавателя Нань Тана. Говорят, он будет играть новую пьесу, многие готовы на все, чтобы это услышать.

Нань Тан? Кто это?

Имя кольнуло его, словно игла. В памяти всплыло: самый молодой профессор академии, легенда фортепианного отделения. Говорили, что его феромон — тонкий аромат шампанского, но с такой сильной подавляющей силой, что даже старший брат относился к нему с опаской.

— Понял, — уклончиво ответил Му Тан, чувствуя, как внутри все идет кувырком. Он открыл расписание: теория музыки, композиция, инструменты — все как у него раньше, но вокруг все изменилось. Даже доносящиеся из коридора голоса звучали с осторожностью: Слышали? Вчера какой-то альфа начал приставать к омеге в классе, так второй господин Му лично сдал его в полицию. А младший господин Му сегодня был на занятиях? Говорят, его феромоны скоро стабилизируются, интересно, какой альфа его пометит...

Пометит? От этого слова к горлу подступила тошнота. Он резко встал и схватил куртку:

— Пойду подышу воздухом.

Чжоу Мин крикнул вдогонку:

— Эй, до начала лекции полчаса!

Он не обернулся, ускоряя шаг, и почти выбежал из корпуса. Солнце припекало, он шел вдоль озера, глядя на свое отражение в воде — то же лицо, но кожа блее, черты мягче, даже кадык менее заметен.

— Черт, — снова выругался он, поднял камень и с силой швырнул в воду.

Когда брызги разлетелись, он услышал позади тихие шаги. Не тяжелые, давящие шаги альфы и не мелкие омежи, а уверенные, словно метроном, отсчитывающий ритм по опавшей листве.

Му Тан невольно обернулся.

Мужчина стоял в нескольких шагах от него в простой белой рубашке с закатанными до локтей рукавами. Солнечный свет падал на его лицо, подчеркивая прямой нос и плотно сжатые губы. Взгляд был холодным, как лед на поверхности замерзшего озера. В руках он держал ноты, длинные пальцы с четкими суставами машинально поглаживали обложку.

Больше всего Му Тана поразил его запах.

Не агрессивный аромат альфы, а едва уловимый запах шампанского, смешанный с ароматом старых книжных страниц. Будто вошел в заснеженный лес — тихо, но с невыносимым ощущением присутствия. От этого запаха кожа на затылке натянулась, будто там что-то просилось наружу.

Мужчина, казалось, заметил его взгляд и поднял глаза. В этот миг дыхание Му Тана сбилось. В глубоких глазах, словно в море, он увидел собственное растерянное отражение.

— Прощу прощения, — первым заговорил мужчина. Его голос был таким же холодным, как и он сам. — Я напугал вас?

Му Тан покачал головой, потом решил, что это неверно, и поспешно кивнул. В горле словно застрял ком, не давая произнести ни слова. Он чувствовал, как меняется воздух: проходившие мимо омеги краснели, опускали головы и ускоряли шаг, стараясь даже дышать тише.

Мужчина больше ничего не сказал, лишь слегка кивнул и прошел мимо.

В момент, когда их плечи почти соприкоснулись, аромат шампанского стал отчетливее. Сердце Му Тана пропустило удар, а железа на затылке отозвалась легким покалыванием. Он резко обернулся, глядя вслед уходящему мужчине, чья длинная тень тянулась по дорожке.

— Кто это... — пробормотал Му Тан.

Две девушки рядом зашептались:

— Это же преподаватель Нань Тан! Не верится, что он пошел этой дорогой!

— Боже, его феромоны такие приятные, хоть и слабые, но чувствуется такая мощь...

— Ты видела, как он посмотрел на Му Тана? Не кажется, что это было необычно?

Так вот он какой, Нань Тан.

Му Тан стоял на месте, касаясь затылка, где все еще разливалось странное онемение. Он посмотрел на небо — солнце слепило, вдалеке прозвенел звонок. Этот чужой мир, эта жизнь, принадлежащая Му Тану, кажется, только сейчас начала обретать свои очертания.

А мужчина по имени Нань Тан и запах шампанского, от которого сердце билось в неритмичном танце, стали той самой нотой, что нарушила всю его гармонию.

Он не знал, что в тот самый момент, когда он обернулся, Нань Тан тоже остановился и слегка повернул голову. На дне его глаз, под слоем льда, пробежала едва заметная рябь. Он коснулся своего рукава, где остался легкий, почти неуловимый след от их столкновения — словно капля крови упала на землю и проросла розой.

Очень чисто, и очень... интригующе.

Нань Тан отвел взгляд и зашагал дальше. На обложке нот, которые он прижимал к груди, на солнце сверкали слова: Неоконченная соната.

<http://bllate.org/book/18827/1832490>